

МАТЕРИАЛЫ И ЗАМЕТКИ

А. А. ДОБРЯК

**ДИАЛЕКТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ
НИЖНЕТАГИЛЬСКИХ ПАМЯТНИКОВ ДЕЛОВОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ XVIII—XIX ВВ.**

На территории современного Нижнетагильского района севернорусский говор с развивающейся переходностью к среднерусскому соседствует со среднерусскими, сложившимися на базе тульских, орловских и черниговских говоров. В пунктах однородного заселения из южных и центральных губерний России наблюдается относительная консервация исходного говора с намечающейся тенденцией развития в сторону среднерусского¹. Исходная основа современных нижнетагильских говоров определена по данным исторических исследований о заселении Нижнетагильского горного округа и архивных документов. Сравнительный анализ нижнетагильских говоров и говоров метрополии позволяет, хотя и относительно, представить путь развития наших говоров, путь утраты исконных черт и приобретения новых на территории колонизации в результате междialeктного контактирования и оторванности от материнских говоров. Однако результатом такого анализа являются выводы, носящие несколько гипотетический характер, так как мы не располагаем полным описанием говоров метрополии периода заселения территории Среднего Урала. За время же раздельного существования сопоставляемых говоров в исходных диалектных системах могли произойти существенные изменения. В этих условиях определенное значение приобретают языковые факты датированных памятников деловой письменности заводских контор периода заселения, позволяющие в какой-то степени уточнить представление об отдельных особенностях исходной основы рассматриваемых говоров, следовательно, уточнить и историю их сложения. Знание же истории заселения района дает возможность правильно соотнести диалектные данные письменных памятников с определенным типом говора.

¹ Подробнее о диалектах Нижнетагильского района Свердловской области см.: А. А. Добряк. Говоры Нижнетагильского района Свердловской области (к вопросу о междialeктном взаимодействии близкородственных языков). Канд. дисс. Свердловск, 1970.

В памятниках деловой письменности тагильских заводских контор (ревизские сказки, рапорты, подворные росписи и т. п.) ономастическая лексика преобладает над апеллятивной. Являясь частью общего лексического состава говора, собственные имена подчиняются законам диалекта, отражают его особенности.

Ономастическая лексика документов XVIII и первой половины XIX века передает особенность безударного вокализма старожильческого нижнетагильского говора — *оканье*. Сохраняется исконное начальное *ро-* (из древнего *ор*): *Ростегаев*² (1746, 21, 5)³, *Росказов* (1835, 715, 32 об.), *Росадников* (1848, 835, 8), *Росадин* (1847, 910, 88); ср. в апеллятивах: *росписался*, *россылка*, *розсылок* (1847, 910, 16, 17, 18), а также в современных говорах: *розетка* (Б.-Л.), *розделились*, *розодрался* (В.), *рассыкаш* (Ч.)⁴.

Ряду личных имен и отыменных фамилий в современном русском литературном языке, имеющих начальное *а*, соответствуют формы с начальным *о*: *Обросим* (1746, 21, 3) *Остафьев* (1746, 21, 4), *Ортюгин* (1835, 713, 2), *Оксёнов* (1835, 715, 10) *Олексей* (1838, 769, 61), *Обрам* (1838, 769, 61), *Оксинья* (1847, 922, 21 об.), *Онисья* (1859, 1468, 13). Это явление наблюдается и в современном севернорусском говоре района, что представляет собою сохранение древнерусской особенности⁵, тогда как в акающих говорах безударное *о* не могло сохраниться. В результате воздействия литературного языка и смежных акающих говоров в нижнетагильском севернорусском говоре сейчас возможны в качестве вариантных и формы с начальным безударным *а*. Уже в первых документах XVIII века отражается борьба форм личных имен с начальными *о* и *а*. В документах XIX века количество примеров с начальным *а* возрастает, что, возможно, связано с появлением акающих говоров в тагильских заводских поселках: *Аврамов сын*, *Алексей* (1746, 21, 2), *Алексей*, *Авдотья* (1835, 715, 2), *Акинфья* (1838, 769, 61 об.), *Агрофена* (1847, 910, 41), *Андрей* (1848, 835, 18 об.) и др.

Рассматриваемые документы очень устойчиво сохраняют имена на *-ло* и на *-ла* (в акающих говорах) в соответствии с литературными на *-ил*. Даже в документах, отражающих *аканье*, эти формы остаются господствующими: *Данило*, *Гаврило*, *Михайло* (1746, 21)⁶, *Михайла* Савельева жена (1834, 694, 2), *Кирило*, *Самойло* (1835, 715, 12 об.), *Ермило* (1835, 715, 25), *Гаврила* Белова (1835, 717, 14),

² При передаче примеров из памятников письменности опускается *ъ* в конце слова, буквы *ять* и *десятеричное* заменяются соответственно буквами *е* и *и*.

³ В скобках первая цифра соответствует году написания документа, вторая — архивному номеру, третья — листу документа.

⁴ См. список сокращений в конце статьи.

⁵ В древнерусском языке начальное йотированное *е* переходило в *о*, начальное *а* в заимствованных словах также заменялось *о*, см.: А. А. Шахматов. Исследования в области русской фонетики. Оттиск из РФВ. Варшава, 1893, стр. 28; А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. М., 1907, стр. 32—33.

⁶ Лист не указывается, если имена встречаются на протяжении всего документа.

за *Гаврила Щелокова* (1838, 769, 4), *Гаврилу Иванову* (1847, 910, 18 об.), *Михайлу* Нефедову, посылала *Корнилова Суслова* (1847, 910, 36)⁷.

Нижнетагильскому окающему говору, как и всем севернорусским говорам, свойственно употребление личных мужских имен на безударное *-ей* в соответствии с литературными именами на *-ий*. Это явление связано с древнерусским изменением сильных редуцированных *ь, ъ* в *е, о*, результаты которого сохранились в окающих говорах и утрачены в акающих. Документы тагильских заводов XVIII в. последовательно передают *-ей*, на месте *-ий* в именах, как и *-ей, -ой*, в соответствии с древнерусскими сильными напряженными перед йотом в аппелятивах и аппелятивных прозвищах: *Игнатей, Григорей, Афанасей, Прокопей, Терентей* (1746, 21), *Леонтей* (1773, 97, 135); ср.: Иван Иванов сын Белой, Иван Степанов сын *Круглой, кирпичной* мастер, *молотовой* подмастерье, *дощатой* подмастерье, *плотинной* мастер, *столярней* мастер *престарелой, бывшей молотовой* мастер (1746, 21, 1—12), ростом *средней, оставшей* в бегах, *беглой* крестьянин (1762, 97, 134—135).

В документах XIX в., наряду с формами на безударное *-ей*, представлены формы на *-ий*, что может быть вызвано не только усилением книжного написания, но в отдельных документах обусловлено произносительными нормами акающего диалекта. Так, в рапорте Лайской заводской конторы, отражающем особенности акающего черниговского говора, представлено лишь два случая написания мужских имен с *-ей* при двенадцати с *-ий*, ср.: *Артемей, Кондратей* (4 об.), но *Афанасий, Григорий* (4 раза) *Василий* (4 раза), *Авелький, Терентий* (1835, 715, 1—6).

Отражается аканье и после твердых и мягких согласных: *Макей* (1835, 715, 2 об.), *Барыс* (1835, 715, 5 об.), *Лазырев* (1835, 715, 8), *Касачев* (1835, 715, 28), *Радион* (1847, 922, 2 об.), *Никалай* (1847, 922, 39), *Пиминов* (1835, 713, 2 об.), *Фитинья* (1835, 715, 15 об.), *Фиофан* (1847, 910, 2 об.).

В следующих личных мужских именах и отыменных фамилиях на месте исконного заударного *о* пишется *а*, что соответствует нормам аканья: *Никан* (1835, 715, 8), *Нифант, Трифан* (1835, 715, 10 об.), *Конанов* (1835, 715, 20 об.), *Симан* (1835, 715, 39 об.), *Конан* (1835, 715, 40), *Тихан* (1838, 769, 61), *Тиханов* (1838, 769, 61 об.). Однако последовательный характер такого написания заставляет усомниться в фонетическом происхождении этого явления. Такие формы отмечены, например, в говорах Среднего Урала, устойчиво сохраняющих оканье. Можно предполагать, что они являются результатом воздействия личных имен типа *Степан*.

⁷ О происхождении форм мужских личных имен на *-ло* и их дальнейшей судьбе в русском языке см.: А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., Учпедгиз, 1957, стр. 49; С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке. Вып. 1. Единственное число. Л., 1927, стр. 18

В нижнетагильском севернорусском говоре наблюдается произношение *е* на месте *и* главным образом перед твердыми согласными независимо от ударения: *дурел* (В.-У.), *розбуделась* (Н.), *навесла*, *канекулы*, *улеса* (Ч.) и т. п. Такое же явление обнаружено в старожильческих уральских говорах и говорах Западной Сибири⁸. Оно находит отражение и в документах: *Галецкой вотчины* (1746, 21, 32), *улица Заисточенская* (1746, 21, 1), *Цепушкин* (1746, 21, 4), ср. *Цыпушкин* (1746, 21, 32).

В ономастике отражается и такое общесеве́рнорусское явление, как выпадение йота и стяжение гласных: *Анофрев* (1773, 97, 8), *Дмитрев* (1809, 325, 254), *Однопорядочна улица*, *Мертва улица* (1847, 922, 18), в деревню *Никитинску* (1809, 325, 212).

В некоторых именах гласные подверглись межслоговой ассимиляции: *Ксенифонтов* (1835, 715, 25 об.), *Ксенифон* (1835, 715, 26 об.), *Ксенефонта* (1838, 769, 61), *Перфил* (1838, 769, 20, об.), *Агрефена* (1847, 910, 41). Особого рассмотрения требует форма имени *Косгинтин* (1835, 713, 2 об.), в которой могла отразиться межслоговая ассимиляция гласных или неразличение безударных гласных неверхнего подъема после мягких согласных, так как в документах зафиксированы и формы *Константин* (1835, 713, 3), *Костянтин* (1842, 832, 2), возникшие, по-видимому, под воздействием сокращенного имени *Костя*.

В ономастической лексике рассматриваемых документов отражаются и диалектные явления в области согласных.

Севернорусским говорам Урала и Сибири свойственно смешение звонких и глухих согласных в сильной позиции — перед гласными и сонантами: *желуток*, *помата*, *сабоги* (повсеместно)⁹. Эта особенность, по-видимому, передается в записи фамилии *Шветов* (1835, 715, 25 об.), ср. *добрашиван* (1762, 97, 134), *фунтамент* (1847, 910, 7).

В собственных именах наблюдаются различные случаи упрощения групп согласных: а) упрощение сочетания *вс*: *Естафей* (1838, 769, 61 об.), *Естигнеев* (1834, 694, 16 об.), ср. в современном севернорусском нижнетагильском говоре: *здумат*, *здремнул*, *спомнила* (повсеместно); б) упрощение сочетания *нст*: *Костинтин* (1835, 713, 2 об.), *Костантин* (1835, 715, 3 об.), *Костянтин* (1842, 832, 2); в) упрощение конечного сочетания *нт*: *Ксенифон* (1835, 715, 26 об.), ср. в апеллятиве: *вин* (В.) < *винт*.

С явлением упрощения конечных групп согласных связано появление гиперкорректных форм: *Феофант* (1835, 715, 5), *Фирст* (1835, 715, 26), ср. *Фирсов* (1835, 715, 13).

⁸ См.: В. Н. Светлова. Говоры восточных районов Среднего Урала. Канд. дисс. Тюмень, 1964, стр. 68, 95, 98; М. А. Романова. К вопросу о формировании сибирских говоров (фонетическая система русских говоров по нижнему течению Тавды, Тобола и Иртыша). Канд. дисс. М., 1967, стр. 137, 144.

⁹ См.: В. Н. Светлова. Говоры восточных районов..., стр. 171—172. М. А. Романова. К вопросу о формировании..., стр. 251, 256; А. А. Добряк. Говоры Нижнетагильского района..., стр. 113—118.

Севернорусскому говору района свойственна диссимилиация в сочетании губных согласных (*мб, мп, мв* изменяются в *нб, нп, нв*): *конпасная* дорога (Н.), *анбар, ланпа* (Ч.), *канпания, трамвай* (В.). Это явление распространилось и на собственные имена: *Панфил* (1835, 715, 9 об.), *Евлантей* (1835, 715, 26). Последнее развилось из *Евламний*, где *мп* дало *нп*, возникшая севернорусская форма *Евланпей* подверглась воздействию со стороны имен типа *Леонтий, Авксентий, Терентий* и т. п. Ср. зафиксированное в современных говорах: *Харлантей* из *Харламний* ¹⁰.

Диссимилиативное изменение сочетания *кт* отражено в написании следующих собственных имен: *Дехтяная* слободка (1809, 325, 121), *Глахтион* (1835, 715, 7 об.). Результат дистактной диссимилиации представлен в имени *Перфил* (1838, 769, 20 об., 61).

В вариантах имени *Христина* — *Крестинья* (1835, 715, 19), *Крестина* (1835, 715, 26 об.) произошла замена *х* звуком *к*, что соответствует севернорусскому лексикализованному смешению *х* и *к*, ср.: *коронить, клев, паска, хресьяна, холхоз* (повсеместно). Возможно, однако, что изменение форм этого имени вызвано влиянием апеллятивов *крест, крестить*.

Написание отдельных слов в тагильских документах передаёт шепелявость: ...*шанчюрским* Григорьем Гладышевым (1773, 97, 4), той же вотчины (Царевосанчурской. — А. Д.) деревни Охоткины Лука Иванов *Шинцов* (1773, 97, 111), *шанчуровской* Семен (1773, 97, 135), с показанным *шанчуровским* Семеном (там же), *Шанчуровской* вотчины (1834, 694, 18), в *Шанчуровской* улице (1847, 910, 43); ср. *Царевосанчуровская* вотчина (1773, 97, 4, 100, 142, 206 и др.). Шепелявость, на наш взгляд, была свойственна одной из подоснов нижнетагильского севернорусского говора — южновятскому говору ¹¹, говору переселенцев из Царевосанчуровского уезда Казанской губернии. В тагильских документах оно приобретает ономализованный характер ¹², так как составители документов, не будучи носителями южновятского говора, передают шепелявость только в собственных именах, принесенных санчуровцами, где оно не может быть выправлено на основании произношения авторов документов. В процессе взаимодействия южновятского говора и нижегородского (второй подосновы севернорусского нижнетагильского говора) шепелявость была утрачена.

В уже указанном выше рапорте Лайской заводской конторы отражается неразличение *р* твердого и *р'* мягкого перед гласным переднего ряда *и*: Дорофей *Харытонов*, Анисым *Харытонов*, Фили-

¹⁰ См.: П. Т. Поротников. Личные собственные имена с суффиксальными элементами *-ш-, -х-* в говорах Талицкого района Свердловской области. — Лингвистический сборник, № 2. Свердловск, 1969, стр. 80.

¹¹ Ср. распространенность шепелявости в современных говорах Кировской области, см.: Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. М., 1949, стр. 136.

¹² Ср. фамилии *Шанчуров* и *Шаньшуров* (последняя из *Шаньчуров* в результате деаффрикатизации *ч* и отвердения *ш* мягкого), зафиксированные в Верхотурском районе Свердловской области (Картотека фамилий жителей Верхотурского района П. Т. Поротникова).

мон *Зорыхин*, Иван *Зарыхин* Большой, *Финодей Харытонов*, *Барыс Конищев*, *Харытон* Таланцов (1835, 715, 1—6). На территории Нижнетагильского горного округа эта особенность была присуща только говору переселенцев из Черниговской губернии, появившихся на Урале в конце 20-х годов XIX века. В рассматриваемом документе, написанном спустя 5—7 лет после заселения Лайского заводского поселка черниговцами, отражается диалектная черта, имеющая характер действующей фонетической закономерности, так как она представлена и в апеллятивной лексике, не только исконной, но и заимствованной уже на Урале: *дочеры их, кричных* ремесленников, *кричного* штата, *ко кричной* работе (1836, 715, 1—6). В современных нижнетагильских говорах потомков черниговцев эта особенность сохранилась только в селе Шиловка, пункте однородного заселения. Но эта черта утрачена в говорах пунктов смешанного заселения, в том числе и в поселке Большая Лая, где черниговский говор под воздействием контактного севернорусского превратился в среднерусский, полностью усвоив новую систему консонантизма.

С характером губных спирантов черниговского говора и их дальнейшей судьбой в говорах пунктов смешанного заселения связана передача фамилии *Белохвост* в виде гиперкорректной формы *Белофост* (1861, 1466, л. 36). Согласный *ф* стал возможен на месте исконного сочетания *хв* в связи с усвоением из контактного севернорусского говора звука *ф*. Утрата *хв*, как замены *ф* (*Хведор — Федор*), сопровождалась проникновением согласного *ф* и на место исконного *хв*¹³.

В приведенных фактах, представляющих лишь часть огромного материала, который может быть извлечен из архивных документов тагильских заводов, отражаются процессы русификации заимствованных собственных имен разных периодов: стадии древнерусского языка, результаты которой сохранились в просторечии или севернорусских говорах, и времени сложения местных уральских говоров.

Список использованных документов

1. Ревизская сказка Черноисточинского завода 1746 г.— Нижнетагильский городской архив (НТГА), ф. 10, оп. 1, ед. хр. 21.
2. Дело о выведенных из Фокинской вотчины и из прочих мест в заводы крестьян с 1762 по 1773 гг.— НТГА, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 97.
3. Сводная роспись о переведенных 1809 г.— НТГА, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 325.
4. Прошения о вспомоществовании 1834 г.— НТГА, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 694.
5. Книга на записку предъявляемых жителями домов и усадов и сенных покосов купчих записей и духовных завещаний на 1835 г.— НТГА, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 713.
6. Дело о кричных мастеровых и ремесленниках, выбывших в другие работы 1835 г.— НТГА, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 715.
7. Дело о механиках Черепановых 1835 г.— НТГА, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 717.
8. Следственное дело по жалобам черноисточинских раскольников 1838 г.— НТГА, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 769.

¹³ См.: Русская диалектология. М., 1964, стр. 78.

9. Книга на записку вновь родившихся в Лайском заводе и умерших и браком сочетавшихся в 1842 г.— НТГА, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 832.

10. Книга, данная исправником Нижнетагильского завода Висимо-Шайтанской заводской конторе на записку оштрафованных заводских людей за разные проступки их на 1848 г.— НТГА, ф. 10, ед. хр. 835.

11. Дело о временных наградах и вспоможениях рабочим 1847 г.— НТГА, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 910.

12. Роспись подворная о жителях Павловской и Анатольской деревень 1847 г.— НТГА, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 922.

13. Список жертвователей на иконы по случаю освобождения от крепостной зависимости 1861 г.— НТГА, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 1466.

14. Прошение вдовы-Onисьи Елисеевой Садовой 1859 г.— НТГА, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 1468.

Список сокращений

БЛ.— Большая Лая

В.— Висим

В.-У.— Висимо-Уткинск

Н.— Нелоба

Ч.— Черноисточинск